18+

Елена Богатырёва

Madame

Елена Богатырёва
Madame. История одинокой мадам

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25199715
ISBN 9785448554001

Аннотация

Книга выходила и переиздавалась несколько раз под названием «Трудно быть фотомоделью».Елену Вольскую – модель №1 – приглашают сниматься в кино именно тогда, когда странным образом одна за другой погибают три известные модели. Приятная и бессмысленная жизнь вокруг нее начинает рушиться, и порой она сама не может понять, где кончается реальность и начинается замысел талантливого режиссера. И не станет ли выдуманный сценарий ее настоящим кошмаром?

Содержание

1 5
2 32
3 55
4 61
5 73
Конец ознакомительного фрагмента. 75

Madame
История одинокой мадам

Елена Богатырёва

© Елена Богатырёва, 2020

ISBN 978-5-4485-5400-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельца авторских прав.
Сайт автора http://elenabogatyreva.ru/

1

Меня зовут Мадам. И мне страшно нравится это имя. Вы застали меня в маленьком нелепом кафе со смешным названием «Колобок». Если вы где-то рядом, то сообщаю вам, что очаровательная женщина за столиком справа от окна – это я. А мужчина напротив – мой собственный муж. Да-да, вот этот, похожий на молодого Бельмондо, а следовательно, на всех пройдох-героев, которых тот когда-либо сыграл. Он даже не смотрит в мою сторону и всем своим видом показывает, насколько ему муторно сидеть тут и ждать, когда я наконец проглочу остатки пирожка с яблочной начинкой. Он озирается по сторонам, он демонстративно разглядывает официанток, он не стесняясь зевает во весь рот, а я все никак не могу осилить пирожок, потому что тот встал мне поперек горла. Его зовут Джек. Хотя когда мы встретились впервые, он был просто Женей. Но, как говорится, – время идет, все меняется…

О чем, интересно, он сейчас думает? Может быть, об этой девчонке, что сидит за кассой и шелохнуться не смеет под его взглядом? Вряд ли. Скорее всего – о деньгах. Это лейтмотив всех его рассуждений и переживаний. Говорить с ним нет никакого желания. В последнее время он способен произносить только три фразы: «Мадам, как ты пуста. Мадам, какие пошлости ты говоришь. Неужели, Мадам, ты совсем

ничего не чувствуешь?» Пирожок наконец съеден, и теперь я пью противную колу с неимоверным количеством льда. Он смотрит на часы, всем своим видом показывая, что торопится, что ему нужно заниматься делами. «В конце концов, Мадам, это ведь наши общие дела!» Как будто могло быть иначе… Интересно, чем бы он занимался, если бы я была обыкновенной женщиной, каких сотни? Пожалуй, тогда он никуда бы и не торопился. Но я не обыкновенная женщина, я – Мадам! Ах да, вы ведь даже не догадываетесь…

Скрытые мои таланты обнаружились три года назад. Выяснилось, что Мадам способна оказывать на человечество поразительное воздействие. Каким образом? Сама до конца не понимаю. С виду я обычная женщина, но… Ладно, не буду скромничать. Тело Мадам выверено по особой божественной мерке, движения размерены уникальным внутренним ритмом, который, нужно сказать, я способна генерировать по собственному желанию. Одним словом, если бы Мадам жила во времена древних греков, именно из-за нее разгорелась бы Троянская война, на месте Клеопатры она бы успешно правила половиной мира, в более поздние времена именовалась бы Помпадур, а в условиях современности выполняет скромную роль фотомодели. Правда, модели номер один, получающей баснословные гонорары и приглашения на съемки со всех концов света. Жене в этом отводится безусловно самая «важная» роль – считать доходы и выбирать контракты. Убийственно трудно, согласитесь?

Конечно, вы меня видели не раз и прекрасно помните. Не могу сказать, в каких рекламах я снялась, потому что это коммерческая тайна. Но вы и сами догадаетесь. Помните ту дурацкую рекламу, на которой мелькнула женская рука, поглаживающая заварочный чайник? Рука как рука, чайник как чайник, но у вас, могу поспорить, появился неутолимый зуд немедленно бежать в магазин и прикупить именно эту марку чая. Вспомнили? Вы ведь сбегали тогда, могу поспорить. Не утерпели до завтрашнего дня. Заварили сразу же, как только переступили порог квартиры, пили обжигающе горячим… Откуда я это знаю? Первая же реклама, где снялась даже не вся Мадам, а только ее точеная маленькая кисть, моментально подняла продажу того самого дурацкого чая на тысячу процентов. На тысячу, понимаете ли вы это? Не на сто, не на двести – ровно на тысячу.

У директора компании на радостях случился легкий сердечный приступ, но так сразу никто не понял, что именно произошло. Мадам вместе с продюсером-мужем тогда выгнали взашей, пригласили модную молоденькую актриску и сняли вторую серию рекламы – эффект оказался нулевым. Пока директор приходил в себя, пил валидол вперемешку с армянским коньяком, мы с Женей уже снова стояли на съемочной площадке, но теперь не в Москве, а в Санкт-Петербурге, и я нежно обнимала отвратительно пахнущую резиновую шину. На следующий день шины с петербургского склада были распроданы все до одной, а муж перестал кидаться

к телефону, почувствовав, что весь мир с этого дня у нас в кармане. Было несколько человек, участвовавших в обеих наших съемках, именно от них и пополз слух о баснословных способностях Мадам. Пока большие рекламные боссы складывали два и два, в сотый раз просматривая в уютных личных кинозалах рекламные ролики с Мадам, Женя начал действовать.

Он остановил свой выбор на небольшой американской конторе и заключил договор на самостоятельное создание рекламы. Он не просил гонорара, – нет. Он был скромен. Он попросил один процент, всего лишь один, да и то в том случае, если оборот продаж рекламируемого товара увеличится в пять раз. Ему отвечали сначала, что это – глупость, но он стоял на своем, повторяя, что хочет только одного – чтобы эта глупость значилась в документах и была сплошь покрыта их гербовыми печатями.

Через неделю Мадам пришлось несколько раз босиком обойти вокруг новенькой блестящей «ауди». В заключение ее розовые пяточки мелькнули на капоте, и наша с Женей жизнь переменилась раз и навсегда. Мы едва успевали благоустраивать наш быт и обновлять гардероб, вихрем взлетев по лестнице материального благополучия. Все произошло так быстро, что мы и не почувствовали перемен… А ведь мы переменились! Особенно – он!

У него звонит телефон. Терпеть не могу эту слащавую мелодию. Он достает трубку, сердито смотрит на меня, потом

радостно улыбается не мне, – трубке. Ах, это Кларисса…

– Это Кларисса? – спрашиваю я, удивленно приподняв брови.

Он машет на меня рукой, сурово хмурится и снова улыбается трубке. Конечно, Кларисса, кто же еще?

Кларисса – моя лучшая подруга. Так считает он. Вообще-то у меня много подруг и друзей. Но все они друзья Мадам, тогда как Кларисса ходила в моих подругах со времен моего золотого детства. Лучшая – так лучшая, Мадам не любит вступать в споры и не видит резона возражать. Бедная Кларисса – маленькая толстушка с бледно-фиолетовыми глазками. Ямочки на щеках и подбородке делают ее трогательной. И это все ее достоинства. Кларисса – старая дева без затей и потуг прервать свое затянувшееся девичество. Поэтому, наверно, ей ничего не остается, как читать с утра до ночи книги, а потом с жаром пересказывать их моему мужу.

«Она так тонко разбирается в поэзии», – говорит Женя. Еще бы! Лет пять тому назад она мне как-то читала стишок собственного производства. Что-то такое там было про мужской торс, к которому ее героиня прижимается и стонет, сгорая от страсти. «Ее героиня», – разумеется, сильно сказано. Конечно же, героиня – это и есть сама Кларисса, плохо разбирающаяся в мужских торсах, практически никак не разбирающаяся… Мадам так хохотала тогда! А потом еще долго успокаивала хнычущую Клариссу… «Нет, я не хотела тебя

обидеть. Нет, я не нарочно! Ты ведь знаешь, Мадам и мухи не обидит…» Мадам не умеет притворяться. Если ей смешно – она смеется. Стоит только подумать о маленькой Клариссе, прижимающей к своей переспелой груди по ночам вместо мужского торса подушку со сбившейся наволочкой, из которой лезет серое перо, и сгорающей от страсти, да еще со стонами в стихах, как снова разбирает смех. Но Мадам поклялась ей, что больше никогда не будет смеяться…

– Кларисса просит тебя заехать, – вежливо объявляет мне Женя и еще более вежливо обнадеживает трубку: – Прекрасно, я завезу ее по дороге.

– Разве тебе не в другую сторону? – спрашиваю я, допивая колу.

– Всегда рад услужить любимой женушке, – сообщает мне он, скривив рот.

Мужчина, решающий за женщину, что ей надлежит делать, – самоубийца. Поэтому я с сожалением смотрю на мужа, словно он стоит на карнизе девятого этажа. Если мужчина взялся поучать женщину – тушите свет, он проиграл, еще не раскрыв рта. Женщина ему мило улыбнется, сделает по-своему, но слушать с этой минуты перестанет раз и навсегда. Даже если это обычная женщина, а вовсе не Мадам.

До сих пор, знаете ли, попадаются типчики, изначально считающие себя, э-э-э, как бы это помягче сказать? Разумнее, что ли. Они уже стоят на ступень выше и разговаривают со слабой (как им кажется) половиной человечества немно-

го свысока. Женщины для них – что дети: непременно следует воспитывать и обуздывать. Непревзойденные тупицы: их удел – грандиозно-ветвистые рога, тяжести которых они даже не почувствуют.

– Разве тебе не доставит удовольствия навестить лучшую подругу? – примирительно спрашивает Женя, с облегчением вздыхая, отметив, что Мадам поставила пустой стаканчик на стол.

– Конечно, – говорю я ему почти радостно.

Милый, милый муж. Он только и делает, что думает о том, как бы доставить своей жене удовольствие. Ну нет у него в жизни другого занятия…

Мы трясемся по ухабам Кондратьевского проспекта. Кларисса живет у птичьего рынка в малюсенькой двухкомнатной квартирке, которую делит с умопомрачительной старушенцией. Добрую часть ее жизни занимают распри с соседкой по поводу совместного ведения коммунального хозяйства. Я знаю, первые слова Клариссы и на этот раз будут непременно о ней. Бабулька же, надо сказать, потрясающая стерва. И как только она умудрилась дожить до семидесяти лет с таким характером, когда каждое произнесенное ею слово вызывает у всех желание стукнуть ее как следует по голове. У всех, только не у Мадам. Ее старушенция обожает как родную дочь и часто, когда Клариссы не оказывается дома (а так случается почти всегда, если она зовет кого-нибудь в гости), бабулька зазывает Мадам к себе и, словно фильм

ужасов, пересказывает интимные подробности бытовой жизни Клариссы. Мадам больше любит слушать старуху. Потому что бабулька вещает весело, совсем как радио, тогда как Кларисса начисто лишена чувства юмора.

Я посылаю мужу воздушный поцелуй, а он все не уезжает, надеясь убедиться, что я действительно войду в зловонный подъезд Клариссы, а не сверну в проходной дворик под арку и не удеру к другим своим лучшим подружкам поднимать настроение, которое он мне так беспощадно испортил. В подъезде, зажимая нос итальянским батистовым платочком, чтобы не задохнуться от зловония, я вынимаю из сумочки телефон и, косясь в окошко на лестничной клетке (ведь стоит до сих пор, пялится из машины!), набираю номер Алки и задушенно шепчу:

– Забери меня.

– Откуда?

Алка как всегда лаконична и понимает с полуслова. Говорит тоже задушенно, значит, недавно проснулась: работа у нее нервная и по большей части – ночная.

– От Клариссы.

– Через пару минут, держись, – обещает Алка, и я уже слышу шелест шелкового халата и чавканье меховых тапочек.

Конечно, она еще выпьет чашечку кофе и пара минут обернутся тремя четвертями часа, но она обязательно приедет, потому что терпеть не может Клариссу и возмущается

ее притязаниями на мою душу.

Вздохнув, я сунула телефон обратно в сумку и уронила платок на ступеньки. Хороший был платочек, последний в упаковке. Но не поднимать же… «Прощай, платочек, – говорю я ему. – Мадам будет вспоминать тебя время от времени…»

В этот момент дверь Клариссы открывается и она обдает меня сиянием своих сиреневатых глаз.

– Здравствуй, Леночка.

Мадам терпеть не может, когда ее зовут по имени. Я подставляю щеку Клариссе, мысленно подгоняя Алку – ее кофеварку и потрепанный джип.

– Я так рада тебя видеть…

Мы не виделись пару месяцев. Но что такое пара месяцев для Клариссы, у которой ничего никогда не меняется? Та же неуютная комната, где вместо обоев по стенам стеллажи с пропылившимися книгами; та же репродукция на двери – Леда и божественный лебедь в момент совокупления; та же узкая кровать в углу, на которой при всем желании, кроме Клариссы, никто бы больше не уместился – не то что мужчина, даже карлик; тот же столик… Стоп! Мадам уже не помнит, когда в последний раз видела этот столик. Обычно он завален журналами, книгами и стихами Клариссы так, что скорее похож на груду макулатуры. Но сегодня столик пуст, почти чист и накрыт к чаю. Похоже, лучшая подруга действительно ждала Мадам: не ушла по рассеянности в биб-

лиотеку, позабыв о своем приглашении, не спустилась поболтать к соседке этажом ниже. Мысль о заговоре Клариссы с любимым мужем посетила меня в тот самый миг, когда я увидела столик, а укрепиться в этом подозрении помогла сама Кларисса – вид у нее был виноватый, но решительный.

– Как ты? – спросила Кларисса, присаживаясь на потертый пуфик и указывая Мадам на единственный колченогий стул.

– Старею. Пора на свалку…

Мадам не любит хитрить. И еще больше не любит, когда хитрят с нею. Если Кларисса с Женей сговорились, то следует сразу заставить ее выложить все карты. Иначе появится Алка, а Мадам все-таки прелюбопытно узнать, какими же функциями наделил любезный муж любимую подругу.

– Ну что ты, Мадам! – все-таки вспомнила о моей нелюбви к «Леночке» Кларисса. – По сравнению со мной ты…

Мадам никогда не перебивает людей, делающих ей комплименты. Помнится, однажды, на съемках в Торонто, я даже пропустила обед, потому что продюсер рекламного ролика никак не мог остановиться, выражая Мадам свои чувства.

– Так считает Джек, – говорю я, глядя Клариссе в глаза, когда та закончила то ли хвалить меня, то ли ругать себя.

– Он вовсе не о том… – сразу же выдала себя Кларисса, и ее сиреневые глазки загорелись легкой досадой. – Мадам, не буду ходить вокруг да около, Женя рассказал мне о своих планах.

– У него появились планы? – Я добавила в свой тон изрядную порцию яда, чтобы Кларисса прекратила наконец разыгрывать из себя учительницу начальной школы для умственно отсталых детей.

– У вас, – с готовностью поправилась Кларисса, – конечно, у вас. Я так сказала только оттого, что думала – ты не разделяешь его идею.

Да, совсем позабыла: мой муж – генератор идей. Все, что высказывает он, есть гениальная идея уже по определению; все, что исходит из чужих уст, – ничего не значащие пустые слова.

– Ты имеешь в виду приглашение сниматься в кино и гениальный сценарий, который он подсовывает каждый день мне чуть ли не под подушку?

Кларисса смотрит на меня молча, улыбаясь, словно мать на родное дитя, догадавшееся не пачкать штанишки, а попроситься на горшок. Я улыбаюсь ей в ответ также тепло и искренне. Мадам не любит расстраивать людей, не соответствуя их ожиданиям. К чему? Их жизнь и так полна горестей и страданий. Мадам стремится дать каждому то, чего от нее хотят. Мадам называет это «всем сестрам – по серьгам». Кларисса хочет ее в чем-то убедить? Пожалуйста! Вот она перед ней: добрая Мадам, внимательная к чужому мнению Мадам, покладистая Мадам. Все равно сейчас нагрянет Алка…

– Знаешь, если честно, – говорит Кларисса и доверитель-

но трогает меня за локоть, – я бы с ума сошла от радости, если бы ты согласилась сниматься. Подожди. – Она резко предупредила мой возможный ответ и театрально зажмурилась: – Я часто представляю: большой кинозал, премьера, я сижу в первом ряду и плачу так, что никакого удержу…

– Тебе хочется поплакать? – спрашивает добрая Мадам.

– Мне хочется увидеть тебя в кино. – От досады на мою недогадливость Кларисса легонько хлопает меня ладонью по руке. (Жест, как ей кажется, разрешенный только среди самых близких людей…) – Я бы с ума сошла от радости. Да и не только я, ты ведь знаешь! Кстати, о чем этот сценарий?

Совсем за дуру держит. Поди уже дважды прочитала и нарыдалась в подушку. К тому же прекрасно знает, что я не желаю его читать.

– Да как-то все не удосужусь…

– Мадам – Кларисса качает головой, – обещай мне, что прочтешь и непременно мне расскажешь. Ты ведь не откажешься от роли?

Не желая отвечать (Мадам никогда никого не обманывает), я мечтательно улыбаюсь и созерцаю облупившийся потолок. Вот привязались-то! Сначала Женька, теперь еще и она. Мадам затягивает повисшую паузу – и тут из коридора доносится вопль полоумной старушенции, отчего Кларисса хватается за голову и меняется в лице. Вопль, так некстати ворвавшийся в комнату, обрушивает атмосферу доверительной беседы, которую так кропотливо создавала моя лучшая

подруга все это время. Кларисса бросается к двери, Мадам смотрит на часы: Алка действительно торопилась. Мадам не сомневается: только Алка могла бы за считанные мгновения довести старуху до инфаркта…

Мадам в последний раз оглядывает комнату, так тщательно подготовленную к ее приходу. Что, интересно, еще из декораций предполагалось пустить в ход? Где то самое ружье, которое должно было выстрелить в третьем акте? Я обхожу все углы, присматриваясь к вещам. Это не то, это тоже не то, это тоже… Хотя постой-ка! Где это видано, чтобы Кларисса читала бульварную прессу? Она же ее на дух не переносит! Статейка отчеркнута красным карандашом. Нет, у Клариссы определенно замашки учительницы младших классов. А… Ух ты! Ничего себе! А я и не знала! Как она умерла? Ха-ха-как… ха-ха…

– Лена… – Бедная Кларисса умоляюще смотрит на меня, а я сквозь нее на Алку. – Лена, тут… – Она безнадежно разводит руками.

– Привет, – бодро говорит Алка. – Ехала мимо, позвонили на трубку. У тебя какие-то пробы? Я не поняла, но на всякий случай решила заехать. Вперед?

Мадам делает скорбное лицо, подходит к расстроенной Клариссе, нежно берет ее за локоть и целует в щеку. Добрая Мадам, ласковая Мадам.

– Извини, – говорю я проникновенно. – Все эта работа! Действительно, пора задуматься…

Клариса вздрагивает, млеет и омывает меня сиреневым взглядом. Это ты хотела услышать, родная моя? На, пожалуйста. Клариса кивает головой много раз с видом заговорщицы, посматривая на Алку с чувством превосходства.

– Подумай об этом, – говорит она тоном гуру, без всякой просьбы в голосе.

На лестничной клетке мы расстаемся. Платка моего на ступеньках уже нет, подфартило кому-то. Алка бежит вниз как ненормальная и уверена – не дышит. Она в такие места заходит исключительно по просьбе Мадам или за большие деньги.

Когда я спускаюсь вниз, Алка уже сидит за рулем. Говорит она всегда быстро и отрывисто:

– Чик, Мадам, кадрик: «Лена!!!»

Алка корчит убийственно страшную рожу, глаза у нее буквально выпрыгивают из орбит, язык свешивается набок, как у собаки. (Старичок, в этот самый момент поравнявшийся с нашей машиной, останавливается как вкопанный и с ужасом наблюдает за Алкой, которая изображает реакцию Клариссы на свое появление.)

Алка все измеряет в кадриках. Ее первый любовник был фотографом, поэтому, наверно, так въелись в ее сущность эти треклятые кадрики. «Знаешь, Мадам, как хорошо там было? Чик, кадрик: я в красном бикини ползу по пляжу…» Так и хранит свои кадрики в памяти. Ей удобно, а Мадам все равно. Хотя нет, не все равно: Алка забавная, с ней

просто и весело. И кадрики ее забавные. Это вам не вечно тоскливая заумная Кларисса.

– Ты слышала про Соболеву? – Перед глазами Мадам все еще стоит яркий заголовок бульварной газетенки: «Смертельная бледность».

– Мадам интересуется соперницами? – Алка бросает на меня быстрый взгляд, выжимая сцепление. – Это что, плоды общения скляриссохвостыми?

– Статейку обнаружила, – морщусь я.

– Ты стала читать газеты? – От удивления Алка напрочь оставляет попытки завести машину. – Мадам, что случилось?

– Соболева умерла, – чувствую себя полной дурой, но все еще пытаюсь что-то ей объяснить.

– Мадам! – Алка поворачивается ко мне. – Я здесь ни при чем, ты же знаешь…

– Знаю.

– Так в чем проблема? Ее нет, мы есть. Нам повезло больше. Куда рванем?

– Давай в клуб. Я пережила тяжелое утро.

– Давай.

Алка никогда не возражает. И это в ней мне нравится больше всего. К тому же мы с ней очень похожи. Она тоже профессионал высокого класса, только на другом поприще. Пользуется славой в определенных кругах, но мало кто знает ее в лицо (как и меня). Да и гонорары у нее, может

быть, лишь чуть-чуть уступают моим. Но есть у нас и существенное различие – она «холостяк» и очень сочувствует мне по поводу моей несвободы.

В ее внешности нет ничего такого особенного, чтобы, как говорят, «увидел – закачался».

Напротив, она обыкновенная (с виду) маленькая блондинка (крашеная) с фигуркой, как у тринадцатилетнего подростка. Но вот энергия – бешеная. Заводится с полоборота. Включается легким касанием руки, к сексу относится как к базовой потребности организма, которую оставить неудовлетворенной – смерти подобно. А потребности у нее эти – о-хо-хо! Все это ощущается мужчинами на расстоянии до одного километра. Когда в клубе Алка раскрывает рот и начинает частить про свои кадрики, мужчины за соседними столами тихо поскуливают и нервно стаскивают с пальцев обручальные кольца.

У Алки есть профессиональное прозвище: Алка-пистолет. Она киллер. Но это – строго между нами. Даже наши клубные друзья – Микки и Ники – не знают об этом…

***

Кларисса задергивает шторы и кусает губы. Говорили, торопятся, а сами сидят в машине. Мерзавка эта Алка. И как только Лена ее терпит? Кларисса садится к столику, наливает чай, потом резко встает, чуть не опрокидывая шаткий сто-

лик, подходит к подоконнику, смотрит на газетку и обхватывает голову руками. «Господи, – шепчет она, – я такая рассеянная…» Кларисса берет стул, лезет под самый потолок и впихивает газету между толстыми томами «Всемирной литературы». Снова усаживается за столик, но, вытирая испарину, не прикасается к своей чашке, а бессмысленно смотрит в пространство…

***

Газета «Женские шалости» от 15 февраля 2001 года. Сверху яркие разноцветные заголовки: «Морщинам – бой!»; «Растяни молодость на восемьдесят пять лет: пищевые биологические добавки из бивня мамонта (распродажа)»: «Секрет идеальной фигуры Уитни Хаггенс: информация из первых рук»; «Смертельная бледность». Чуть ниже цветная фотография красивой молодой девушки, лежащей на простыне сложив на груди руки. В лице ее – ни кровинки. Подпись: «Элеонора Соболева доверилась гирудам!»

«Вам приходилось когда-нибудь слышать о том, что такое гирудотерапия? Если нет, то вы уж наверняка никогда не прибегнете к этому модному методу после прочтения нашей статьи. Гирудотерапия – это метод, при котором различные проблемы вашего здоровья решаются с помощью маленьких кровососущих тварей, именуемых в просторечии пиявками. Они действительно помогают людям избавиться

от тысячихворей, но могут стать и причиной ужасной трагедии, такой, например, какая произошла с нашей знаменитой фотомоделью Э. Соболевой.

Всем известно, что значительную часть времени фотомодели проводят в салонах красоты. Массаж, маникюр, прическа – все это для них не просто прихоть или каприз, а профессиональная необходимость. Соболева еще совсем недавно заявила в одном из интервью, что салон красоты на Каменноостровском проспекте для нее «что дом родной». И нужно же было случиться так, что ровно через две недели после этого ее настигла такая нелепая смерть. И где? Именно в «родном доме».

Косметолог – женщина со стажем и опытом – уверяет, что оставила Элеонору отдыхать на кушетке после массажа и вышла поговорить с клиенткой, которая интересовалась различными аппаратными процедурами. Их разговор затянулся на добрые полчаса, а когда она вернулась в свой кабинет, то глазам ее открылось чудовищное зрелище. Соболева по-прежнему лежала на кушетке, но была теперь бледнее простыни, а на ее теле извивалась добрая сотня маленьких черных пиявок. Каким-то образом все они за столь короткое время переместились из аквариума, стоящего в шкафу, на тело девушки Женщина попыталась смахнуть маленьких кровопийц с тела Соболевой, но, не имея навыка обращения с пиявками, ничего не смогла сделать до приезда «скорой помощи». Ожидание неотложки не пошло девушке на поль-

зу. Прибавьте к этому плохую сворачиваемость крови и… через несколько часов Соболевой не стало.

Вопрос о том, трагическая ли случайность или чей-то злой расчетливый умысел привел к гибели известной фотомодели, остается открытым… Гирудотерапевт уверяет, что Соболева не однажды интересовалась у него, возможно ли с помощью пиявок приобрести столь модную нынче бледность, и он рассказал ей о том, как выращивают и ставят пиявок и сколько пользы они приносят человеческому организму. Девушка явно заинтересовалась его рассказом и вполне могла самостоятельно решиться на эксперимент, оказавшийся для нее роковым…»

***

Я смотрю на нее и в который раз спрашиваю себя: за какие грехи Бог послал мне тяжелейшее испытание в виде любви к Мадам? Что такого натворил я, каких долгов перед ангелами наделали мои предки, что мне приходится расплачиваться за них столь жутким образом? Сейчас она обыкновенная девчонка. Вот сидит и чуть ли не пальчики облизывает, доедая свой любимый пирожок. Нежность подступает к горлу, но я принуждаю себя зевать и смотреть в окно, потому что знаю – эта нежность не имеет объекта. Женщина, сидящая передо мной, может изобразить что угодно, на самом же деле она – чудовище…

День, когда мы с ней встретились, я помню до мелочей…

Это был один из самых заунывных осенних дней. Под ногами грязь и лужи, величиной с озера. Сверху моросящий дождь и беспросветно-серая пелена неба. Ветер, как выражаются синоптики, порывами, и порывы эти пронизывали до костей.

Я шел по Ярославскому проспекту, стараясь не попасть в какую-нибудь яму, и удивлялся, кому пришло в голову назвать эту улочку проспектом. Рядом, на Энгельса, действительно шумел город, а здесь стояли трехэтажные коттеджи, напоминавшие пригороды Санкт-Петербурга начала двадцатого века. Возможно весной, когда зацветет сирень, или зимой, когда повсюду будут развешаны снежные кружева, это место и будет выглядеть восхитительно, но пасмурной серой осенью, когда вокруг валялись почерневшие трупы листьев, проспект навевал тоскливые мысли о потустороннем.

Я был раздражен какими-то мелочами: неисправная зажигалка – раз, ветер, когда не удается прикурить ни с первого, ни с десятого раза, как ты ни вертись, – два, да еще девушка, шедшая на несколько метров впереди, – три. Ужасно она мне не понравилась. Плащишко серый, как осеннее небо, конский хвост на голове. И потом, чего ради, спрашивается, напяливать трехметровые каблуки, когда ходить на них не умеешь?! Она уже два или три раза споткнулась, а я, глядя на нее, сломал две спички, и теперь у меня оставалась одна – последняя.

Раздражение достигло предела. Мерзкая погода, отвратительная улица, противная девушка и только одна спичка. Я расстегнул куртку, чтобы загородиться от ветра, и зажег-таки последнюю спичку, а тут эта дура впереди снова покачнулась на каблуках, споткнулась и остановилась. Сейчас прикурю, догоню ее и скажу, какая она идиотка. Хотя вряд ли отважусь сказать, зато обдам презрительным взглядом, это уж непременно. Я прикурил, затянулся от души, поднял глаза и… выронил сигарету.

Вы бы видели, как она шла! Я подумал, что схожу с ума… Описать это невозможно. Сказать шла плавно, покачивая бедрами, – вздор и ерунда. Она шла так, что у меня по спине побежали мурашки. Осень сгинула, вокруг бушевал ярый май, ее волосы светились янтарем, унылый проспект превратился в праздничные Елисейские поля. Мне потребовалось время, чтобы осознать: перемена произошла во мне, а источник – она.

Я посмотрел по сторонам. Метрах в десяти от меня стоял пожилой мужчина с черной таксой на поводке и провожал ее таким пронзительным взглядом, словно ему было двадцать, а не шестьдесят. Я догнал ее и шел некоторое время след в след, не зная, как подступиться. Она почувствовала, обернулась и улыбнулась мне. Я сказал: «Мадам, разрешите узнать ваше имя…» Она рассмеялась. И меня не стало. Я растворился в волнах той магии, которую она излучала. И с тех пор мне часто снится один и тот же сон: она обора-

чивается и улыбается. Невозможный сон, я каждый раз просыпаюсь в изнеможении от счастья…

Мы познакомились тогда; хотя слов, которые были сказаны, не помню. Встречались каждый день, бродили по улицам, не замечая зимних холодов, а через два месяца поженились. Ее мама была так добра к нам, что уступила свою маленькую квартирку, переехав жить к сестре. Каждое утро я шел на работу, чтобы отсидеть положенные восемь часов, а потом летел к ней упиваться каждой минутой, каждым часом своей любви. Не скажу – нашей. Она никогда не теряла голову, даже когда еще не была Мадам. Всегда ровная, спокойная, терпеливая. Ее любимая фразочка «Всем сестрам по серьгам» порой причиняла мне страшную боль. А что, если и мне она точно так же, как другим, просто дает то, чего я от нее хочу? Мадам не любит споров… Мадам всегда плывет по течению…

Мадам была тем драгоценным камнем, который требует соответствующей оправы. Я видел ее в разноцветных шелках, в красивом спортивном автомобиле, бродящей по анфиладам комнат. Что я мог ей дать? Зарплату в четыре сотни плюс премиальные. Да и кто я был? Бывший десантник, ныне испытатель парашютов, ищущий приключений на свою голову. Меня завораживал риск, привлекала опасность: чем меньше шансов было не сломать себе шею, тем охотнее я ввязывался в проект. Но теперь, познакомившись с Мадам, я все чаще стал испытывать страх перед прыжками. Мне было

что терять. Я нашел то, что искал. К чему же каждый день рисковать жизнью? И я перешел работать в отдел мальчиком на побегушках. Да и взяли-то за былые мои заслуги помощником помощника бухгалтера. Получать образование было поздно, ожидать, что с неба свалится денежная работенка, не приходилось.

Днем и ночью я ломал голову над тем, как сделать так, чтобы моя Леночка не провела остаток жизни в обшарпанной маленькой квартирке на Ярославском проспекте. Хотя ей, похоже, было абсолютно все равно. У нее никогда не было ни страстных желаний, ни сильных чувств. Она словно спала с самого детства и не собиралась просыпаться «Неужели ты совсем ничего не чувствуешь, Мадам?»

Я нашел выход не сразу. Как-то, получив неурочную премию, я купил фотоаппарат и отщелкал три пленки кряду, снимая мою ненаглядную девочку. Я просил ее: «Сделай весну!» – и она научилась понимать меня. Что-то неуловимо меняла в себе и начинала светиться. Фотоаппарат это свечение улавливал, и снимки, которые я принес на работу, произвели на моих коллег потрясающее впечатление. Трое назойливо стали набиваться к нам в гости, двое втянули животы и приосанились, молоденький практикант впал в прострацию.

Я все понял. Они чувствуют то же, что и я. Если выпустить Мадам на большую сцену… Страшно было даже представить себе, что тогда начнется! Успех будет потрясающим, но я могу потерять ее. Второе предположение было до того

невыносимым, что я начисто отверг все свои планы разбогатеть за счет талантов жены и подумывал, как бы использовать собственные резервы.

Нужно сказать, что Леночка в принципе существо довольно неуклюжее. Она может споткнуться на ровном месте, часто бьет посуду и вообще не привлекает ничьего внимания, пока что-то не заставляет ее «включить режим свечения». Господи, не знаю, как она это делает, знаю только, что это оружие смертельное и поражает в самое сердце. До нашей встречи она, похоже, совсем не осознавала своего действия или почти совсем не пользовалась своим талантом. Но я же сам, как последний дурак, объяснил ей, что к чему. И вскоре Леночка вошла во вкус. Идем мы с ней, к примеру, по Невскому. И вдруг я замечаю, что прохожие смотрят на нас во все глаза, налетают друг на друга, открывают рты. Это она развлекается. Я, к сожалению, теперь не всегда чувствую, когда она начинает… Что начинает? Даже не знаю, как это назвать. (Недавно в Калифорнийском университете нам сказали, что Мадам генерирует какие-то особые волны, какой-то ритм, но даже тамошние профессора не сумели дать вразумительного ответа, каким образом этот ритм запечатлевают кино- и фотокамеры.)

То ли она стала шалить слишком часто, то ли я все-таки сдался своим мыслям относительно достойной оправы, но, в конце концов, отправился искать счастья в рекламном бизнесе. Первые же наши попытки оказались настолько успеш-

ными, что у меня голова пошла кругом. А Мадам даже бровью не повела. Она продолжала плыть по течению. Я тогда был настолько ослеплен любовью, что ни разу не задумался, что она за человек. Спроси я сам у себя, что она за человек, – и на ум приходила бархатистая кожа, безупречная талия и умопомрачительные бездны, в которые я летел во время наших любовных игр. Я не знал, что она за человек. (Или она и не была никаким человеком?)

Вот ее лучшая подруга Кларисса, та – да, та была человеком. Она могла бесконечно рассказывать о прочитанных книгах, излагать какие-то философские учения и доктрины, сыпать цитатами из стихов, и глаза у нее все время горели сиреневым огнем. Кларисса была живой, умной, страстной. Моя Леночка не шла с ней ни в какое сравнение. Если бы я встретил Клариссу тогда на Ярославском проспекте… Но, когда мы с ней познакомились, я уже любил Мадам. Не знаю до сих пор – может быть, безответно. А Кларисса тем временем безответно влюбилась в меня…

Третий рекламный ролик пролил для меня некоторый свет на душу Мадам. До этого мне было все равно, как зарабатывать деньги. Точнее, я не думал об этом. К тому же рекламный бизнес, даже с применением сверхъестественных способностей Мадам, казался мне вполне безобидным. Но после третьей нашей рекламы с «ауди» произошел странный случай.

В центр продажи автомобилей приползла восьмидесяти-

летняя старуха с клюшкой и заявила, что желает немедленно приобрести автомобиль. Над ней посмеялись и хотели вытолкать прочь, – больно уж вид у нее был засаленный. Но бабка упиралась, а потом и вовсе вырвалась и дрожащими руками достала из-за пазухи пачку новеньких хрустящих долларов.

Чтобы купить ненужную ей машину, которую рекламировала Мадам, она продала квартиру… Я целый день не мог прийти в себя и вечером рассказал о случившемся жене. Она хохотала до слез. И тут я понял, что совсем не знаю эту женщину. Я никогда не думал о том, какой она человек. В тот миг она показалась мне чудовищем: бездушным и жестоким. А в следующий миг я вновь был в полной ее власти, потому что звезды уже высыпали на небо и Мадам захотелось любви, и ее магические чары уже были разлиты по дому и дразнили медовым ароматом. Мои вечные цепи…

Но теперь, теперь все переменилось. Нам наступают на пятки. Скоро мы никому не будем нужны. Есть только одна возможность, но Мадам ничего не хочет слышать об этом… Я набираю номер Клариссы. Удалось ли ей уговорить Мадам?

– Нет! – Она в отчаянии. – Прости, Женечка, не получилось на этот раз. Но я… поверь, я сделаю все, что в моих силах. Это все Алка, и…

– Понимаю.

– Дай мне только еще один шанс. Я уговорю ее, – жар-

ко твердит Кларисса, словно речь идет не о Мадам, а о нас с нею…

(Она делает это не для Мадам – для меня!)

– Да, Кларисса, если только…

– Что?

(Она даже дышать перестала…)

– Боюсь, ты можешь не согласиться.

– Я согласна на все, даже не спрашивая о чем речь, – говорит она, и торжественность этой клятвы меня несколько пугает.

– А если речь идет о твоей репутации?

Кларисса нервно смеется:

– Она в твоем полном распоряжении

2

Мы мчимся в клуб, и я искоса с благодарностью посматриваю на Алку. Умопомрачительная девушка! Алка начала свою карьеру лет в семнадцать, удрав из дома и бросив педагогический колледж, куда ее принудили поступить родители. Люди они были добросердечные и учли все на свете, кроме одного – Алкиного темперамента. «Сами такую народили, я не просилась», – оправдывалась она.

Пока ее сокурсницы, девочки со строгими взглядами, изучали психологию детского возраста, Алка активно изучала теорию и практику пикантных взаимоотношений между полами. Диплом педагога она не получила, но вот что касается второй науки, – нет таких дипломов, которые могли бы по достоинству отразить Алкины успехи и оценить мастерство.

Первый ее любовник, как я уже говорила, был фотографом. Именно ради него она сбежала из дома, прихватив с собой третью часть папочкиной зарплаты, обоснованно рассудив, что именно треть родители так и так потратили бы на нее. Фотограф был молод, пылок, и несколько дней напролет они не выходили из его квартиры, предаваясь любви, а в свободное время рассматривали его фотографии. (С тех пор Алкино восприятие жизни дробится на кадрики.)

Алка прямо на глазах из неопытной девочки превраща-

лась в неугомонную любовницу, у которой напрочь отсутствуют чувства усталости и пресыщенности. В конце концов, фотограф утомился от избыточных нагрузок, а Алка только-только вошла во вкус тех незатейливых упражнений, уроки которых он ей преподал. Его интерес к ней таял, ее разгорался все ярче. Извечная песня. Через месяц он сбежал, а на следующий день оказалось, что квартира не его и что он не оплатил свое проживание за последний месяц. Владелица квартиры, вломившаяся ни свет ни заря после его побега, грозилась сдать Алку «куда следует», поэтому бедняжка была вынуждена оставить на столе папину зарплату и пойти куда глаза глядят.

Дойти ей посчастливилось лишь до первого фонаря, где ее, задыхаясь от бега трусцой, нагнал пожилой дядечка и пригласил в ресторан. Этот день кончился бы для нее весьма печально, если бы не стал началом ее карьеры. Дядечка напоил и накормил девушку в гостиничном ресторане, повел к себе в номер и предложил за некоторую сумму предаться с ним любви. Алка пожала плечами и сказала: «Почему бы нет?» Первые полчаса он держался молодцом и Алка даже подумывала о том, не остаться ли у него пожить, как вдруг дядечка страшно захрипел, пискнул что-то неразборчивое и дал дуба.

Алка заорала, но на ее крик явилась не горничная или дежурная по этажу, а плотный мужчина с усами и задумчивым взглядом. Первым делом он заткнул Алке рот, словно вы-

ключил кнопку сигнализации. Потом обошел вокруг мертвого старика и приказал Алке одеться. Взял ее за руку и вывел из гостиницы черным ходом.

Мужчина оказался большим боссом некоей организации, связанной то ли с мафией, то ли с государственными службами, – Алка не стремилась разобраться. «Ты, девочка, почище любого пистолета будешь!» С тех пор ее и использовали как киллера там, где представлялась такая возможность, или там, где не представлялось другой. За месяц Алка делала здорового молодого мужика астеником-невротиком, за неделю сводила мужчин среднего возраста с кардиологическими проблемами в могилу, за два дня, под напором ее невесомого почти тела, выходили из строя гипертоники. Это она рассказала мне как-то в порыве откровенности. И я понимаю почему. Мадам никого никогда не осуждает. Мадам принимает людей такими, какие они есть. А так хочется хоть кому-то рассказать о себе все-все-все…

Мадам и сама бы рассказала. Но – некому. Мадам страшно одинока.

В клубе нас встретили радостными криками. Микки и Ники сегодня выходные, поэтому с полудня, сразу же после открытия, заняли наш любимый карточный столик. (В клубе почти никого нет, только тип в черной широкополой шляпе за соседнем столиком. В последнее время он часто здесь крутится… И что самое смешное, мне еще ни разу не посчастливилось увидеть его лица.) Официант уже тащит мартини,

как я люблю – много тоника и льда, я целую Микки и подставляю щеку Ники. Душа встает на место, но что-то ей все-таки мешает.

– Вы слышали про Соболеву? – спрашиваю я, усаживаясь.

– О! У Мадам навязчивая идея! – стонет Алка. – Чик, кадрик: Мадам впервые заглянула в газеты…

– Мы слышали, Мадам, – виновато говорит Микки, – но не хотели тебя расстраивать.

– Обалдеть! – смеется Алка. – Неужели кто-то будет кусать локти по поводу кончины конкурентки? Мы ее не знали, а печенье, что она рекламировала в последний раз, – сущая гадость.

– Это ведь не первый такой случай, – оправдывается вместе с женой Ники.

Алка показывает ему из-под стола кулак, и Мадам догадывается, что и она все знала.

– А с кем произошел первый?

Мадам не верит своим глазам: и здесь тоже заговор! Что же такое происходит?!

– Ирина Иркутская, помнишь такую?

– Не очень. – Мадам морщит лоб, пытаясь вспомнить, слышала ли она что-то о ней.

– Ты ее даже не знаешь! – вопит Алка. – Микки, сдавай! Не то я сейчас сдохну от жалости к голодающим детям Нигерии. Мадам, ты слышала, что в Нигерии дети голодают? Может, еще и этим заинтересуешься?

Алка права. Смотреть телевизор или читать газеты – последнее дело. Оттуда на твою бедную голову выливается целый ушат чужих проблем. От этого происходят все болезни и неудачи, так считает Алка.

– Сдавай, – говорю я Микки, улыбаясь. – Иркутскую тоже задушили гируды?

– Нет, ее нашли дома с изуродованным лицом – нанесла какую-то ультрасовременную косметическую маску.

– Ну и при чем здесь…

– Она тоже была фотомоделью, – тихо говорит Ники. – Ей сулили блестящую карьеру.

– Это что? Засада? Так, где у нас бармен? – кричит Алка и, размахивая руками, сама вдет к стойке. – Включи-ка, дружок, какую-нибудь забойную музычку. Да погромче! – шепчет она ему в ухо.

– Для тебя, радость моя, могу даже станцевать в набедренной повязке на столе, – томно отвечает ей молодой парень.

Алка смотрит на него оценивающе, даже перегибается слегка через стойку, чтобы разглядеть ту половину его тела, которая за ней скрывается.

– Если это все, на что ты способен, оставь эту забаву Ники. Он и выглядит получше, да и пляшет не от большой радости, а за деньги…

Алка возвращается к нам. В спину ей ударяют оглушительные аккорды. Больше из-за музыки ничего не слышно, но пока Алка болтала с барменом, Микки успела ска-

зать мне:

– Будь осторожна, Мадам. Вдруг это какой-нибудь маньяк? Или кто-то убирает с дороги конкурентов? В нашем деле всякое бывает…

Я смотрю на Ники. И он утвердительно кивает головой. Видно, они с женой уже успели обсудить этот вопрос и пришли к общему мнению.

С картами у меня сегодня не клеится. Ужасно не везет. Я проигрываю всем им по очереди, чего со мной не случалось еще ни разу. Но и их сегодня не радует выигрыш. Настроение облачное. Но, если честно, мрачные мысли уже выветрились из моей головы. Если кому-то приспичило побледнеть за счет пиявок или похорошеть за счет экспериментальной масочки, при чем тут я? Мне нет нужды торчать в косметических салонах, изнурять себя бассейнами, пробежками, тренажерами и прочей мерзостью. Сила Мадам совсем в другом. К тому же природа устроила ее так, что сколько бы пирожков с яблоками она ни съела, ни один не нарушит гармонии ее тела.

Вечером мы с Алкой уезжаем. Я прошу высадить меня подальше от дома, чтобы немного пройтись. Обожаю короткие прогулки перед сном. Идешь и ни о чем не думаешь. Что может быть лучше? Ничего!

У двери меня встречает голодный соседский кот. Мы здороваемся, и я вхожу в пустую квартиру. Мое любимое кресло занято. Там покоится… сценарий, который муж безуспешно

пытается заставить меня прочесть. Замечательная мысль – оставить его здесь, чтобы Мадам некуда было деться. Но Мадам не любит таких штучек. Я обхожу кресло стороной и вытягиваюсь на диване. Терпеть не могу насилия. Любое давление порождает у меня желание сбежать, что я и практикую время от времени.

Я закрываю глаза, вспоминая сегодняшний вечер. Представляю полуобнаженную Микки, танцующую у стойки. Они с Ники удивительная парочка. Оба работают в клубе. Их кредо – стриптиз. Микки, нежная и милая в быту, на сцене разыгрывает женщину-вамп, готовую прыгнуть к любому столику и отходить плеткой всех, кто попадется под руку. Микки абсолютно фригидна, но изображает страсть по всем правилам актерского мастерства. Ники же настоящий плейбой. Видели бы вы, как безумствуют женщины во время его выступлений. Просто с ума сходят. Хотя то, каким супергероем он себя изображает и кем на самом деле является, – большая разница.

Ах, Мадам не выносит одиночества. Вот уже битых полчаса я лежу на диване, а Женя еще не вернулся. Нормальные жены в таких случаях волнуются. Только не Мадам. Мадам знает – он вернется. И занят он работой, работой, работой…

Я, видимо, задремала на время, и мне совершенно не хотелось подходить к телефону, когда он вдруг ожил и заголосил. Я решила, что он позвонит-позвонит и перестанет, но кто-то на другом конце провода решил свести меня с ума.

Чертыхнувшись, я поднялась и схватила трубку.

– Здравствуй, Мадам, Женя дома?

Дима Лопушинский! Как прав был Женя, когда хотел поставить определитель номера. Даже трубку брать не стала бы, знай я заранее, что это он.

– Здравствуй, Дима! Женя еще не вернулся.

На всякий случай говорю немного хрипло и отрывисто, чтобы дать понять одно из трех: я сплю, я болею, я не испытываю ни малейшего желания говорить с ним или видеть его.

– Снова потерял номер его трубки, – жалуется Лопушинский.

– Ты звонишь так часто, что мог бы уже запомнить…

– Что ты, Мадам! Голова забита совсем другим!

– Записывай…

Только не хватало, чтобы он явился сегодня к нам. Нужно предупредить Женю: пусть не тащит его домой. Как только Дима дает отбой, я набираю номер Жени. Не тут-то было: занято. Видно, Лопушинский нажимает кнопочки телефона быстрее меня. Совершенно невозможный человек!

Часто смотрю на Женю и думаю, как его угораздило связаться с таким типом, как Лопушинский? Нужно видеть их рядом, чтобы оценить разницу. Женя – высокий, атлетического сложения брюнет, с влажными, немного восточными, глазами. Дима – маленький доходяга с пепельной не чесанной месяцами шевелюрой, с прозрачными глазами выжившего из ума ученого. Собственно, казалось бы, что общего?

Но связь между ними была прочная и совершенно не поддающаяся расторжению. Они были знакомы еще до моего появления, и с того времени у Лопушинского образовалась привычка звонить Жене среди ночи или вламываться собственной персоной ни свет ни заря. (После свадьбы Мадам ужасно раздражало, что он не изменил своим привычкам, невзирая на тот факт, что Женя жил теперь у нее, а не у себя!)

Впрочем, я знаю, отчего Женя так носится со своим Лопушинским. Во-первых, у того за плечами два высших образования и аспирантура. Во-вторых, он конструирует парашюты, а у Жени сохранилась нежная привязанность к своей прежней работе. Когда денег у нас стало более чем достаточно, муж вызвал меня в свой кабинет и официальным тоном поинтересовался, не стану ли я возражать, если часть наших денег он будет расходовать на благотворительность. Я тогда, помнится, очень хотела спать, немного удивилась его прихоти, но дала свое согласие, представляя себе благотворительность в виде неких абстрактных отчислений во всевозможные фонды или, скажем, в какие-нибудь конкретные детские дома.

Оказалось, что Женина (а точнее, наша) благотворительность распространялась исключительно на Лопушинского. Тот разрабатывал какой-то новый парашют, а Женя взялся его финансировать. Когда я попыталась вмешаться и выяснить, почему же столь продвинутого изобретателя не финан-

сирует государственная организация, в которой тот работает, Женя объяснил мне, что Лопушинский – гений, идеи его сплошное новаторство, а контора их крайне консервативна. С тех пор (вот уже полтора года) взгляд Лопушинского стал еще более безумным, а наш общий счет уменьшился на сто пятьдесят тысяч долларов. Правда, получив очередную порцию денег, Дима оставлял нас в покое на несколько месяцев.

В последний раз мы откупились от него всего две недели назад. Что же случилось?

***

Вернувшись домой, Алка первым делом с отвращением сорвала с головы парик и закинула его на полку в прихожей. В комнате участь парика разделили пестро павлинья короткая шубка, брюки, отороченные ей в тон разноцветным мехом, и пиджак с такой же опушкой. Вещи безжизненно замерли там, куда попали, – на дверце шкафа, на полу, на диване, а девушка с любовью провела рукой по ежику иссиня-черных волос, тряхнула головой, схватила полотенце, подвернувшееся по дороге, и отправилась в ванную.

Сначала оттуда доносился лишь плеск воды, затем послышалось мурлыканье, напоминающее пение, и еще через несколько минут Алка, распевая уже во весь голос, выходила из ванной, чистая и счастливая.

Она убрала с глаз подальше петушиный наряд, в котором

провела сегодня целый день, посмотрела на часы и с блаженством вытянулась на диване. Она все еще мурлыкала какую-то мелодию, жмурясь от удовольствия, когда зазвонил телефон. Девушка тут же замолчала, скисла, поморщилась, но потянулась за трубкой.

– Да, я. Да, только что вернулась, – говорила она хмурясь. – Нет, ничего нового.

Потом она долго, нетерпеливо гримасничая, слушала трубку, на некоторое время даже убрала ее от уха подальше. Но какая-то реплика, очевидно, заставила ее снова поднести трубку ближе и резко ответить:

– А я повторяю, что она здесь ни при чем. Мадам добрая, Мадам и мухи не обидит…

Алка швырнула трубку на рычаг, подтянула колени к подбородку, обхватила их руками и принялась раскачиваться так вперед-назад…

Часы показывали десять вечера, когда она наконец переоделась в джинсы и темно-синюю футболку. Раздался звонок. Алка метнулась в коридор, распахнула дверь и повисла на шее у молодого человека, едва успевшего переступить порог квартиры.

Далее последовали нежности, очень скоро перешедшие в вольности, завершившиеся полным разгромом небольшой, но очень уютной спальни. Широченная двуспальная кровать была похожа на стог сена – золотистые одеяла сбиты кучей, кругом подушки и подушечки.

– Какие новые повороты в нашем детективном сериале? – спросил молодой человек, отдышавшись и закурив в постели.

У Алки сразу же испортилось настроение.

– И ты туда же, Максим. Далась вам всем Мадам… Неужели ты думаешь, что она…

– Конечно, не думаю. – Мужчина перевернулся на живот, придвинулся к Алке и потерся щекой об ее щеку. – Она ведь полная идиотка, раз до сих пор верит, что ты…

– Она хорошая, – искренне воскликнула девушка.

– Правда? А может быть, ты просто-напросто попала под ее чары? Как и все остальные. Ты не забыла, кто она? Помнишь, что на ее конкуренток просто мор какой-то нашел?

– Она ничего не знала, – защищаясь, сказала девушка, и глаза мужчины хищно блеснули.

Выдержав паузу, чтобы тут же не задать вопроса, вертевшегося на языке, он затянулся поглубже, выпустил дым и только после этого спросил:

– Это она поведала тебе сегодня?

– Она мне ничего не поведала. Была у подруги и наткнулась на статью о Соболевой. Похоже, это ее настолько поразило, что она даже завела разговор об этом со своими стриптизерами.

– А те?

– А те, как дураки, рассказали ей про Иркутскую. Она даже не знала, кто это такая.

Взгляд Максима сделался жестким, и он сухо спросил:

– А что про Танееву?

– Уверена, она тоже ни ее, ни про нее ничего не знает.

– Этого не может быть! Если бы не та злосчастная машина, Танеева превзошла бы Мадам! Ее рейтинг был лишь чуть-чуть ниже.

Алка погладила мужчину по плечам и медленно поднялась с кровати.

– Никто не может быть лучше Мадам. Ты не видел ее.

– А ты не видела Танееву.

– Я видела кое-что получше…

– Что?

– Пойдем, покажу, – позвала Алка.

Она подошла к видеомагнитофону, вставила кассету. На экране показался Майкл Дуглас с встревоженным взглядом, но сразу же за этим захлопали крылья голубок с рекламной заставки.

– Это Соболева, – бросила через плечо Алка, – видел?

– Видел раз сто, но не знал фамилии. Ну и что с этим печеньем?

– С печеньем все в порядке. Смотри!

Дальше изображение пошло в замедленном режиме. Девушка, действительно очень красивая, прислонилась к плечу молодого полубога и одновременно потянула ко рту печенье. Замедленная съемка вдруг замедлилась втрое, а потом и вовсе поскакали кадрики – один, другой, третий…

– Видишь? – прошептала Алка.

– Что? – не понял Максим.

Алка раздраженно посмотрела на него и остановила кадр.

– Вот! Видишь, рука?

– Ну?

– Запомни ее.

– Как я могу запомнить… – поморщился Максим, но Алка щелкнула пультом, и перед ним возник следующий кадр той же пленки.

– Откуда ты… – начал было он, но, словно спохватившись, остановился и замолчал.

Рука теперь была другая. Пальцы чуть длиннее и изящнее. Кисть тоже. Кожа нежнее. Он мог бы поклясться, что она принадлежала совсем другой женщине. Запрыгали кадрики. Чужая рука несла ко рту Соболевой печенье. И только когда девушка надкусила его, рука снова стала прежней, соболевской.

– Подожди. – Максим встал и зашагал по комнате. – Подожди. Ты хочешь сказать, что Мадам растащили по кусочкам? Приставили ее ручку Соболевой и та стала знаменитостью?

– Так оно и было. Кстати, думаю, не только Соболевой. Но и Иркутской, и Танеевой. Всем тем, кто составил Мадам конкуренцию.

– И о чем это, по-твоему, говорит? – У Максима загорелись глаза.

– Как? Разве ты не понимаешь? Они все были ненастоя-

щими. И я думаю, преступника нужно искать не рядом с Мадам, а рядом с теми, кто создал новых фальшивых звезд рекламы.

– Вздор!

– Но почему?

– Да потому что они – пострадавшая сторона. Мы с ними и понятия не имели…

– Мы? – Алка опустила руки. – Ты сказал «мы»? Как это – мы, Максим?

Девушка нажала кнопку, и изображение на видеомагнитофоне погасло. Мужчина оторвался от экрана и озадаченно посмотрел на нее.

– Ну… то есть… конечно, я хотел сказать – они. Слишком увлекся твоим расследованием, втянулся. – Он сделал шаг к девушке, но она отступила к стене.

– На кого ты работаешь? – спросила она упавшим голосом.

***

Сколько воды утекло с тех пор, как мы начинали! Три года кажутся вечностью. Мы слишком много заработали за это время, чтобы оставаться в тени и не привлекать к себе внимания. Не знаю, кому первому пришло на ум раздобыть пленки знаменитой Мадам и использовать их для того, чтобы вырезать кусочки и монтировать в рекламу других, более

дешевых и покладистых моделей. И самое главное – не знаю, как им удалось раздобыть эти пленки. Все они хранились за семью печатями, да там до сих пор и остаются нетронутыми. Любительские записи я уничтожил собственноручно. В этом мне помогла Кларисса – составила список всех, у кого могли быть Пленки, всех обегала и под благовидным предлогом изъяла кассеты. Даже у матери Мадам побывала.

Но это не помогло. Новые «звездочки» рекламы плодились с завидной скоростью: Соболева, Иркутская, Танеева, Калли. Не помню теперь, которая из них замелькала на экране первой. Помню только, что однажды, глядя в телевизор, ощутил присутствие Мадам. Вгляделся, а там обычная блондиночка с голубыми глазами. Решил – почудилось. А назавтра почувствовал, что жить не могу без воды «Бон Аква». Представляете?

Я запаниковал, когда сообразил, в чем тут фокус. Не из-за денег. Нам и заработанных хватит до конца жизни. Из-за нее. Из-за нас. Чем она будет заниматься? Просиживать дни напролет в своем клубе с этой отвратительной четой стриптизеров и маленькой проституткой? А что буду делать я? А что будет с нашим браком?

Режиссеры осаждали меня с самого начала. Не самые лучшие, разумеется. А те, кому для успеха всегда не хватает капельки чуда. Мадам им виделась именно таким чудом. Действительно, люди валили бы в кино толпами, хотя так бы и не поняли, почему их тянет смотреть паршивый фильм

снова и снова. Но фильмы снимаются долго, а зарабатывать деньги рекламой было чрезвычайно легко и просто, а потому я не интересовался кино. (Первый год был самым потрясающим: мы объездили весь мир: Италия, Америка, Франция, Гавайи, Индия, Япония.)

Но теперь, когда конкуренты стали наступать нам на пятки, я сам разыскал молодого гения кинематографии. Его звали Петр Богомолов, и ему едва исполнилось тридцать. Он снял всего три фильма, но все три потрясающие. Встретиться с ним оказалось совсем не просто. Уже после первого фильма он оградил себя тучей помощников, которые тщательно просеивали его звонки. В первый раз, когда молодой и явно утомленный дурацкими звонками голос попросил меня в двух словах изложить суть дела, я растерялся, заговорил, сбился и дал отбой. Подготовившись к следующему дню, я позвонил снова и заявил, что не знаю в последнее время, куда девать деньги, и хотел бы спонсировать молодого гения на самых льготных условиях.

– Сколько? – спросил женский на этот раз голос тоном, дающим мне понять, что подобных звонков мэтру поступает по сотне за день.

– Тысяч восемьсот под его идею и полтора, если ему вдруг понравится моя, – уверенно заявил я.

– Надеюсь, – протянула женщина после долгой паузы, – мы с вами говорим не о рублях?

– Как можно, – фыркнул я.

Несмотря на столь заманчивое предложение, мне вежливо велели оставить контактный телефон и ждать звонка. В тот день я даже спать лег с трубкой. А через два дня смотрел на нее, как на злейшего врага, начиная сомневаться, что правильно назвал свой телефон. Ближе к полуночи тот же женский голос вернул меня к жизни:

– Вам назначено на среду. Запишите адрес…

Богомолов показался мне маленьким и щуплым. Но в движениях сквозила грация пантеры и сила дьявола. Орлиный нос и узкие синие глаза придавали ему сходство с хищной птицей. О Мадам он ничего не слышал, более того – никогда не смотрел телевизор, и пришлось долго растолковывать ему, в чем состоят таланты моей девочки.

– У меня уже были два бизнесмена. Один просил снять в главной роли его жену, другой – любовницу. Предлагали гораздо больше вашего.

Он имел право обидеть меня. Но я направился к видеомагнитофону, который давно заметил в углу, и, несмотря на протесты хозяина, вставил кассету. Пока я возился с кнопками, Богомолов зевнул и направился к двери, громко щелкнув пальцами в воздухе. Два прекрасно сложенных молодых человека в тот же миг оказались в комнате и весело направились ко мне. Но тут экран наконец ожил, и они остановились как вкопанные.

Это были старые домашние съемки Мадам. Она бежала по желтому побережью Адриатики, оборачивалась на ходу

и махала руками, приглашая последовать за ней. Богомолов не успел выйти. Его насторожила реакция телохранителей, он тоже обернулся. И встретился взглядом с Мадам. Мэтр вернулся, отослал своих людей, и мы с ним молча просмотрели пленку до конца.

– Мне нужно подумать, – сказал он после долгого молчания перед погасшим экраном. – Это возможности, которых я не предполагал, а потому не имею на этот счет никакого мнения.

Затем, в течение недели, он одолевал меня короткими звонками, и мы с ним незаметно перешли на «ты»:

– Послушайте, вами другие режиссеры интересовались?

– У меня целый список тех, кто ждет ответа.

– Хорошо…

– Просмотрел всю рекламу. Эффект тот же. Хочу посмотреть, как она выглядит в жизни.

– Но я же объяснял…

– Про свечение? Я помню. Это изобразите потом. Пока хочется присмотреться.

– Приезжайте…

– Нет. Я хочу понаблюдать со стороны, чтобы она не знала, не ведала. Где ее чаще можно застать?

– Клуб «Арлекин».

– Прекрасно…

– Ей будет трудно. У нас не немое кино.

– Мы постараемся.

– Вы-то – конечно. Но она?

– И она.

– Вы хорошо знаете свою жену?..

– У меня нет для вас сценария. Совсем. Просмотрел все свои запасы.

– Зато у меня есть одна идея. Если хочешь…

– Приезжай…

Мы снова встретились, и я поведал Богомолову великолепный сюжет, который на добрую половину был и не сюжетом вовсе, а историей нашей с Мадам жизни.

– Кто напишет?

– Сам.

– Пробуй. Если что – мои ребята поправят. В четыре месяца уложишься?

– Да.

Это было смело. Я никогда ничего не писал, даже не пробовал. Но чего не сделаешь ради Мадам?

– Договор?

– Я подготовил список наших условий…

– А я своих. Обменяемся?

Мы обменялись бумагами, радуясь, что понимаем друг друга с полуслова. Все было прекрасно, но Богомолов прятал какой-то камушек за пазухой, и я это все время чувствовал.

– Да… и… у тебя какие-то проблемы? – спросил он в конце концов.

– Кое-что личное. Но не безнадежное.

– Я надеюсь…

– Еще что-то? – Я кишками чувствовал, что камушек остался.

– Как-то неспокойно в вашем бизнесе сейчас, – пробурчал он себе под нос, нехотя сунул мне статью про Соболеву и отвернулся.

Посмотрев на газетенку, я отбросил ее.

– Никакой связи. – Мои ладони вспорхнули перед его носом голубем.

– Прекрасно…

Он так и впился в меня ястребиным взглядом, словно выискивал что-то.

На том мы и расстались.

Через четыре месяца сценарий был готов. Богомолов изучал его неделю, вернув дополненным и расширенным. Я просмотрел вставки: немного романтики, немного секса, и мой хэппи-энд полностью смят трагической развязкой. Пусть так. Я принес сценарий домой и попробовал поговорить с Мадам. Но не тут-то было!

Впервые в жизни она проявила невиданное упрямство, не желая не то чтобы участвовать в кинопробах, но и прикасаться к сценарию. Месяц яугробил на разговоры и обиды, – все было тщетно. Я говорил ей, что двадцать семь в рекла-

ме – это старость, что наши контракты уже не те, что нас раздавят. Мадам смотрела на меня с удивлением.

– Не волнуйся так. На безбедную старость нам с тобой хватит.

От ее спокойствия я лез на стенку и скрипел зубами. Она оставалась равнодушной и ехала в клуб играть в карты. Нашла, наконец, партнершу. Видели бы вы ее: белые пакли, павлиний наряд и совершенно развязный вид. Кто она и чем занимается, догадаться было нетрудно.

Рассказывать о том, что три фотомодели из первой пятерки погибли в течение месяца, я ей не стал. Не хотел пугать. Да и Кларисса просила.

– Ты слышал о Соболевой? – тяжело дыша в трубку, спросила она меня в тот день, когда вышла первая подробная статья о смерти несчастной.

– Только что прочел. Знаешь, это немного смешно…

– Смешно? – взвизгнула Кларисса. – Боже мой, Женечка, о чем ты говоришь? Это ведь не первый случай!

– Не понял?

– Ты знаешь, кто такая Танеева?

– Разумеется, – ответил я без особой приязни, потому что Танеева была первой, кто наиболее успешно шел по следу Мадам.

– Так ведь она тоже погибла!

– Откуда ты знаешь? Вроде бы о ней ничего нигде не писали.

– Ее сбила машина. Одна моя знакомая работает в больнице… Она умерла, не приходя в сознание.

Я помолчал, пытаясь разобраться, хочется ли мне задуматься о сказанном или списать все на мнительность Клариссы.

– Право, я не знаю, – ответил я, – что тебе и сказать.

– Как!? – Кларисса, бедненькая, чуть не рыдала в трубку. – Это ведь не случайно! Может быть, какой-то маньяк или серийный убийца, которому не угодили фотомодели. А потом то, что мы знаем, лишь поверхность айсберга. Может быть, он уже расправился с десятком моделей рангом пониже, о которых не пишут газеты…

– Хорошо, Кларисса! Я обязательно подумаю об этом! – сказал я ей как можно более серьезно.

– Только, пожалуйста, – умоляюще произнесла она, – ни слова Мадам! Ты ведь знаешь, какая она ранимая…

Уж я-то прекрасно знал, какая она, но рассудил, что неведение для нее все-таки лучше.

После гибели Иркутской Кларисса снова позвонила мне, и мы долго молчали по телефону, не зная, что теперь делать. Я повидал знакомого из прокурорских, но тот успокоил меня, сообщив, что все три дела разные и ни о каком маньяке речи быть не может. Да и нет, собственно, никаких дел. Вот разве с Танеевой только. Машину, которая ее сбила, так до сих пор и не нашли. «И не найдем, – честно признался он. – Тупиковое дело».

3

От одиночества и скуки хочется выть волком. Я терпеть не могу оставаться надолго одна. Если бы я была богатой старухой, то непременно наняла бы себе компаньонку, чтобы та не покидала меня ни днем, ни ночью. Какую-нибудь старую деву, но не обезумевшую без мужской ласки, типа Клариссы, а напротив, что-нибудь типа синего чулочка. Ах, как замечательно мы проводили бы с ней время! Играли бы в карты долгими зимними вечерами, да не в шумном клубе, а возле нашего камина, уютно устроившись в креслах. Я бы смотрела старые фильмы, а она вязала бы, примостившись на диване рядом. Мы ходили бы с ней по магазинам, делали покупки и с азартом спорили, насколько мне (или ей) идет какая-нибудь яркая тряпка. Она была бы немногословна, нет. Но если начинала бы говорить, ее хотелось бы слушать. Как жаль, что я не богатая старая дама, а Алка совсем не синий чулок. Она лучше всех подошла бы для этой роли.

Нет, я сейчас с ума сойду от скуки! Когда же он вернется? Мадам очень не любит ждать! Почитать, что ли, его треклятый сценарий – все развлечение.

Я поднялась, чтобы взять в руки толстую папку, но сначала сделала три круга по комнате, в надежде, что в двери все-таки звякнет ключ и мне не придется мучиться. Но тишину не нарушил ни один звук, и пришлось раскрыть папку…

«Эпизод 1.

Подиум, генеральная репетиция. По сцене одна за другой проходят манекенщицы. Модельер (женщина) хлопает в ладоши в такт движению девушек, подгоняя их. Бросает реплики: «Тамара, выше подбородок!»; «Что вы сегодня как сонные мухи?»; «Умница моя, Настюша! На тебя одна надежда!»

В камеру попадает весь зал целиком. Одна из девушек, облокотившись на спинку стула, беседует с красивым молодым мужчиной. Другая – ревниво наблюдает за ними из импровизированной гримерки. Девушка смеется, качает отрицательно головой, мужчина наклоняется к ней и шепчет что-то в самое ухо, отчего она розовеет, замечает наблюдающую за ними подругу и начинает согласно кивать мужчине. Он жестикулирует уверенней, слегка даже удивленный своей победой, достает из портфеля маленькую баночку, протягивает девушке.

Эпизод 2…»

(Боже мой! Неужели он думает, что люди пойдут смотреть такую скукотищу! От этого в сон тянет!)

«…Вечер. В комнате горит свет. Девушка в махровом халате сушит волосы феном, затягивает их на затылке лентой и, словно что-то вспомнив, достает из сумки баночку и садится к трюмо. Осторожно поддев содержимое кончиком мизинца, она принюхивается, удовлетворенно хмыкает и наносит крем на лицо. С удовольствием смотрит на себя в зер-

кало, посылает собственному отражению воздушный поцелуй, идет в спальню, скидывает халатик и гасит свет.

Эпизод 3.

За окном рассвет – что-то необыкновенно красивое, какая-нибудь нежная музыка сопровождает движение камеры по комнате: к халатику, соскользнувшему на пол, к смятому краю простыни, к резному изголовью кровати. Музыка обрывается, когда в кадре появляется девушка. Она лежит на кровати с обезображенным лицом, не проявляя признаков жизни…»

Я захлопнула папку и успела почувствовать, как бьется мое сердце. Казалось, вот-вот оно выскочит и запрыгает как заводной петушок на ковре под моими ногами.

В коридоре хлопнула дверь. Я подскочила, швырнув папку в кресло, и метнулась к дивану. Но из папки выскочили два листка, и мне пришлось сунуть их обратно, прежде чем я приняла на диване позу спящей красавицы. Правда, спящая красавица выглядела очень ненатурально – ее колотила нервная дрожь.

Пока Женя раздевался, осторожно пробираясь в гостиную, чтобы меня не разбудить, я, как ни странно, думала вовсе не о прочитанном, а о том, что, пожалуй, впервые в жизни испугалась…

***

– Ах, какие холодные пальчики у моей принцессы, – сказал я, и Мадам тут же широко раскрыла глаза.

Пожалуй, слишком широко для того, чтобы изобразить пробуждение от сна. Холодные пальчики нервно подрагивали в моей ладони.

– Я тебя напугал? – спросил я с сожалением.

– Не знаю. – Она протянула мне губы. – Может быть, приснилось что-то страшное?

– Разве ты знаешь, что такое страх? – засмеялся я.

И тут же понял, что актер из меня никудышный. Но Мадам этого не заметила.

Я поцеловал ее и почувствовал, как она вздрогнула всем телом и слегка отстранилась. Совсем чуть-чуть. На одну сотую дюйма, возможно, но обостренная чувствительность моего сердца зафиксировала эту перемену. Передо мной уже была не Мадам, а живая женщина, мечущаяся в сетях собственных чувств. Мысль эта разбудила в моей душе безумную радость. Я почувствовал себя Творцом, Богом! Мне удалось вдохнуть жизнь в бездушное существо!

– У тебя сейчас такой дурацкий вид! – ласково произнесла она тоном прежней Мадам. – Что случилось, милый?

Я посмотрел на нее в упор. Не причудилось ли мне только что… Глаза Мадам светились. И я снова поддался ее чарам. Как ей удается проделывать это со мной снова и снова?

Через час, когда она уснула на свой половине кровати и ярый май схлынул из моего сердца, вкралось уныние. Кем

я себя возомнил? Чего достиг? Все – лишь игра моего нездорового воображения.

От расстройства я вышел на кухню и закурил. Взял пепельницу и вернулся в гостиную. (Мадам всегда протестовала против того, чтобы я курил в комнатах, но теперь мне необходимо было нарушить хоть какой-нибудь запрет…) Я остановился у кресла. Вот он, мой хваленый сценарий. Лежит нетронутый и никому не нужный. Я бережно поднял свое любимое детище, покачал на руках, словно родного ребенка, раскрыл папку и чуть не выронил ее из рук. Две первые страницы поменялись местами. Мне хотелось прыгать до потолка, я догадывался – кто этому причина…

Неожиданно зазвонил телефон, и я подхватил трубку, уронив пепел на ковер. Лопушинский, захлебываясь от восторга, орал не своим голосом. Как некстати он сегодня…

– Ты не мог бы говорить медленнее и отчетливее? – поинтересовался я.

– Ну хорошо, хорошо, – согласился он, прекратив орать, как спятивший осел. – Слушай медленно! По-лу-чи-лось! – произнес он по слогам. – Ты понял, Джек? Есть!

Я торжественно помолчал в трубку. И потом спросил, сразу же позабыв обо всем остальном:

– Ты это серьезно? Не как в прошлом месяце?

– Абсолютно! Все расчеты проверил! Все готово! Ты понимаешь, чем это пахнет?

Я-то, в отличие от него, понимал, чем это пахнет. И очень

боялся этого часа. Честно говоря, когда Дима описал мне парашют, который он конструирует, я отнесся к его идее, мягко говоря, с недоверием. Но денег дал. Работа продвигалась медленно, конца-края ей было не видно. И кто же знал, что в один прекрасный день она завершится?

Правда, завершилась она только для Димы. Там, где кончается работа конструктора, начинается работа испытателя. Кажется, однажды, поддавшись порыву, я пообещал ему, что испытаю его детище лично. И вот на тебе! Именно сейчас у меня не было ни малейшего желания рисковать жизнью.

– Здорово! – сказал я Диме и замолчал.

Он тоже немного помолчал; похоже, удивлялся тому, что я не предложил испытать его парашют прямо сейчас, среди ночи. Но потом он, похоже, вспомнил, что нам еще нужен самолет, и приуныл.

– Конечно. Я еще не верю, что сумел это сделать. Денька два беру, чтобы успокоиться и на свежую голову все пересмотреть. Но если все в порядке, через два дня я у тебя!

– Надеюсь, дружище!

Заключительную фразу я произнес с особым оптимизмом, а положив трубку, признался себе, что мечтаю только об одном: пусть там будет какая-нибудь маленькая, но заковыристая ошибочка и пусть Дима провозится со своей идеей хотя бы еще полгодика…

4

– Послушай, милая, – говорил Максим, пытаясь подобраться к Алке. – Ну что за нелепости приходят тебе в голову по ночам? Я работаю на агентство по недвижимости, ты же знаешь.

Неожиданно он остановился посреди комнаты и хлопнул себя по лбу:

– Господи, я понял! Это роль такая, да? Ты сейчас играла, да? Да ты потрясающая актриса! Тебя театры будут рвать на части, не понимаю только, зачем ты ждешь благосклонности этого остолопа Богомолова?

Алка перестала жаться в угол, но взгляд ее остался безнадежно опустошенным. Максим смотрел на нее и менялся в лице. Алка – умница, ее не проведешь. Может быть, пора выложить всю правду? Нет, не теперь…

– Послушай, – сказал он серьезно, прекратив ломать комедию, – правда бывает разная. И моя правда для тебя – пока! – может ничего не значить. Давай подождем с этим. Одно я могу сказать тебе определенно: я ни на кого не работаю – раз, у меня есть интерес к твоей Мадам, но он очень личного порядка – два, и три – самое главное! – я действительно люблю тебя и никогда тебе не лгал. Если…

– Ты меня что? – озадаченно спросила Алка.

– Я тебя люблю, – улыбнулся он. – Извини, что приходится

признаваться в этом не в самый подходящий момент. Эх! – Максим взъерошил пятерней волосы и упал в кресло. – Ты все испортила! Я ведь так долго готовился сказать тебе это! Не в такой момент, не здесь и вообще…

Он, похоже, не на шутку был расстроен. Алка бочком начала придвигаться к нему, пока не подошла к креслу вплотную сзади. Она положила руки ему на плечи, но не дала обернуться.

– Скажи еще раз, – попросила она.

– Я тебя люблю.

– Еще!

– Люблю!

Алка обошла вокруг кресла, села ему на колени, обвила шею руками и тихо попросила:

– Еще!

Он, может быть, и сказал бы что-нибудь еще, если бы мог. Его поцелуй затянулся бы на целые сутки, если бы Алка не промычала неразборчиво что-то и он не отнес ее в разгромленную спальню…

Вечер закончился для них в половине пятого утра. Алка казалась полностью умиротворенной и обессилевшей, глаза ее слипались, и Максим, не привыкший к ночным бдениям, позволил себе уснуть сном невинного младенца.

Как только его дыхание стало размеренным и чуть свистящим, Алка распахнула глаза и уставилась в потолок. Любовь любовью, но в роль «двойного агента» благодаря Богомоло-

ву она вошла прочно, а потому ее неудержимо тянуло пошарить в его карманах и заглянуть в еженедельник, который он всегда таскал в портфеле.

Ее подлинное естество кричало, что это отвратительно, что лучше спустить его с лестницы и заказать появляться у себя всю оставшуюся жизнь, чем вести себя так же, как сотни мелочных, злобных и ревнивых жен. Интересно, что они чувствуют при этом? Вдруг ей когда-нибудь выпадет сыграть подобную особу… Нужно все-таки попробовать.

Актерское любопытство взяло верх над доводами сердца, которому подавай одну только любовь и ничего больше. Алка сползла с кровати, скользнула в соседнюю комнату и с огромным наслаждением запустила сразу обе руки в карманы его брюк. Ничегошеньки. Даже носового платка нет. Стараясь не щелкать замками, она открыла его портфель и выудила еженедельник. Даты, цифры, телефоны. Максим работал агентом по недвижимости, и никаких иных записей, кроме метража квартир, условий оплаты и кредита, его еженедельник не содержал. У Алки оставалась последняя надежда на его пальто, но там, во внутреннем кармане, она нащупала только водительские права, паспорт и ключи от машины. Процедура обыска вмиг перестала быть для нее интересной и вызывала теперь лишь отвращение к собственной персоне. Что она себе придумала? Он ведь сказал, что любит ее, а она…

Никто из ее немногочисленных друзей никогда не гово-

рил ей о любви. Это случилось с ней впервые. Тут было впору жечь фейерверки, летать на метле и обливать все вокруг шампанским, а она тупо шарила по чужим карманам. Хотя…

Алка выудила его паспорт, сладко улыбаясь: если он ее действительно любит, то хорошо бы узнать его фамилию. Ее собственная фамилия – Курочкина – совершенно не подходила для сценической карьеры, и Алка всегда мечтала ее сменить, даже в те годы, когда исполняла немую роль снеговичка или елочки в ТЮЗе. А теперь, когда предстоят съемки у самого Богомолова, тем более хорошо бы засветиться под каким-нибудь звучным именем. Может быть, фантазия ее бежит слишком далеко и слишком быстро, но все-таки когда говорят о любви, возможно, и брак не за горами. Если фамилия Максима окажется звучной, то псевдонима ей не понадобится. Алка раскрыла паспорт и тут же выронила его из рук.

У нее задрожали губы, и из глаз сами собой брызнули слезы. Она прикрыла рот рукой и поревела так несколько минут, пока в голову ей не пришла одна мысль… Она подняла паспорт с пола, перелистала странички, не нашла там больше никаких печатей и отметок, сунула его назад в карман. Возвращаться в спальню, где веяло предательством, не было никакого желания. Она отправилась в гостиную, свернулась калачиком на диване и сверлила злым взглядом потолок, представляя себе завтрашнее утро…

Поступить в театральный было сложно. Ее приняли лишь

с третьей попытки. Позади оставались народные университеты в виде работы посудомойкой, барменшей, воспитательницей в элитном детском саду с беспредельно наглыми малышами, продавцом гвоздик и даже приемщицей стеклотары. Позади оставались трехлетние распри с родителями относительно необоснованного выбора профессии.

Она не сумела сказать им правду о своем провале на первом же вступительном экзамене. Если бы на втором или на третьем туре срезалась, тогда, может быть, врать и не стала бы, но вот рассказывать, что ей сказали «достаточно» после двух минут пребывания перед комиссией, было выше ее сил. Но правда, как известно, имеет способность во что бы то ни стало выплывать наружу, в результате чего папа, глава нефтяного концерна Республики Саха, чуть не получил инфаркт, когда в московской гостинице в его номер со шваброй и ведром вбежала собственная дочь, радовавшая их письмами о своих успехах в Щукинском. Разговор получился длинным и неприятным. Алка призналась в провале, но возвращаться домой категорически отказалась. Отец сначала недоумевал, уговаривал, потом негодовал и стучал кулаком по столу, но Алка оставалась непреклонной – она останется здесь и будет поступать в театральный на следующий год. Платное обучение ее не интересовало, потому что хотелось доказать и комиссии, и самой себе собственную состоятельность. Работу в гостинице она воспринимала как епитимью, наложенную собственноручно на самое себя.

Отец был страшно недоволен, но решил, что это женские дела и разбираться с дочерью должна супруга. А потому прекратил спор (тем более что не выносил споров с женщинами), сунул дочери в карман передника тысячу долларов, с напускной суровостью приняв все причитающиеся за это поцелуи, погрозил пальцем и этим ограничился.

Алка не могла рассказать ему всей правды о том, почему не желает возвращаться домой. Правда была гораздо шире и заключалась не только в ее любви к искусству, но и в аналогичном трепетном чувстве к молодому человеку по имени Гоша, с которым она познакомилась на вступительных экзаменах. Гоша был фотографом, и вся история их отношений, которую Алка поведала Мадам, была абсолютной правдой, и единственной правдой в этой истории.

Мама изводила Алку письмами в течение двух лет, раз в две недели напоминая ей о существовании отчего дома, где ее любят и ждут, что бы с ней ни случилось. Последняя фраза предполагала беременность, несчастную любовь к московскому бомжу, героиновую зависимость и все те ужасы, которыми пугают столичные газеты провинциальных обывателей. Фотограф к тому времени совсем исчез с Алкиного горизонта, и всякий раз, получая материнские письма, писанные словно под копирку, она рыдала над конвертом и мучилась сомнениями, разрываясь между голодной самостоятельностью и сытой зависимостью. После второй неудачной попытки пробиться в актрисы нагрянула и вторая лю-

бовь, оказавшаяся вдвое миниатюрнее первой как по накалу чувств, так и по временным параметрам.

Третья попытка оказалась успешной, и Алка забросала родителей телеграммами и ксерокопиями студенческого билета, студенческой медицинской карты, даже послала копию талонов на льготное питание, выданных ей в деканате. Спустя полгода, после первой сессии, родители прикатили в Москву вдвоем, нашли все-таки время. За три года мытарств и лишений Алка получила в подарок крошечную пятнадцатиметровую квартирку (зато в районе Садового кольца) и бывшую в употреблении машину (зато – джип). Оказалось, что отец, начинавший собственную карьеру с нуля, мечтал все эти годы только об одном – чтобы дочь не сдалась и добилась поставленной цели. Теперь его уважение к Алке возросло вдвое и в придачу к своим подаркам он передал ей пять процентов акций собственного предприятия.

Вспоминая прошедшие годы, Алка оценила мудрость родителей. Два года назад такой подарок смог бы навсегда избавить ее от желания где-либо учиться или работать. Но только не теперь! Теперь, с первых шагов, ей пророчили блестящее будущее.

На третьем курсе она познакомилась с Богомоловым. «Из этой девочки получится вторая Раневская, – обронил он и на ушко ей добавил: – Раз красотой Бог обделил, приходится работать мозгами, правда?»

Богомолов жил в Петербурге, а потому, окончив институт,

она поменяла свою крошечную квартирку на трехкомнатную в Озерках, погрузила свои пожитки в машину и перебралась в Северную Венецию. Богомолов около года кормил ее обещаниями, она перебивалась случайными ролями в маленьких театрах, но несколько месяцев назад все изменилось…

Он позвонил ей рано утром и попросил приехать.

– Ты телевизор смотришь?

– Нет.

– Почему?

– Меня же там не показывают.

– Скоро покажут.

Алка замерла и насторожилась: неужели?

– Не завтра. – Он словно прочел ее мысли. – Скоро. Но одну роль хочу поручить тебе уже сегодня. Платить буду гроши, но ты, насколько я знаю, в деньгах не нуждаешься, тебя интересует исключительно слава…

– Ну, – протянула Алка.

– Не скромничай. Здесь все свои. Посмотри лучше сюда.

С этими словами Богомолов повернулся к экрану телевизора и щелкнул пультом. Рекламный ролик длился не более минуты, но у Алки засосало под ложечкой. Обаяние женщины, мелькнувшей на экране лишь на долю секунды, было безграничным.

– Запомнила ее?

– Разумеется.

– В карты играть умеешь?

– Почему в карты?

– Ей нужна партнерша. – Богомолов ткнул пальцем в погасший экран.

– А роль?

– Это и есть роль. Ее зовут Мадам.

– Это имя?

– Ее так зовут. И, похоже, она не откажется обзавестись подругой.

– Какой?

– Образ создашь сама, потом покажешь. Что-нибудь экстравагантное, но легкое, без всякого намека на мысль.

– А дальше?

– Дальше – больше. Хочу поставить фильм с ней в главной роли. Вторую получишь ты. Но кое-что настораживает.

Алка молчала и внимательно слушала. Богомолов посмотрел на нее с благодарностью.

– Произвела она на тебя впечатление?

Алка грустно кивнула. Впечатление до сих пор сосало под ложечкой беспросветной завистью.

– А ее муж предлагает мне деньги и умоляет ее снимать. Тогда, когда я сам должен был бы ходить за ним по пятам. Это – раз. Второе, что настораживает, – три фотомодели, числившиеся в первой десятке, сразу после этой дамочки, вдруг ни с того ни с сего отправились на тот свет.

– В каком смысле?

– В самом прямом, умерли друг за другом, чуть ли не в по-

рядке нумерации их рейтингов, в течение полутора месяцев.

– От чего?

– По разным причинам. Внешне смахивает на несчастные случайности, но мне хотелось бы быть уверенным, что за этими случайностями не стоят люди, с которыми мне предстоит работать.

– И моя роль…

– Двойной агент, если тебе угодно. Втереться в доверие, разузнать, что там к чему, не причастна ли прекрасная Мадам каким-нибудь боком к устранению конкуренток. Ее муж, надо сказать, очень рисковый парень… Бывший десантник и все такое прочее. В общем, к началу съемок я должен знать наверняка, что у меня не будет проблем с этой парочкой.

– Когда съемки?

– Месяца через два, считай – завтра.

– Завтра, – выдохнула Алка. – Завтра…

Она придумала головокружительную историю про девушку-киллера, показала Богомолову грим, изобразила манеру поведения и общий стиль. Он пришел в восторг, подбросил несколько деталей, и Алка, окрыленная, прямиком от него отправилась в клуб «Арлекин».

Поначалу Мадам ей не понравилась – кукла куклой. Пару раз, правда, выдавала она свой неземной шарм, но говорить с ней было не о чем. Именно в это время Алка и собрала большую часть информации о рекламной диве, разыскала пленки, из которых явствовало, что Мадам «растаскива-

ют на части» и используют в роликах других девушек, среди которых, кстати говоря, и три погибшие.

Но как-то неожиданно для самой себя Алка привязалась к Мадам не на шутку. Порой с хорошим актером случается такое – маска прирастает к лицу и скинуть ее становится невозможно. Мадам больше не казалась Алке пустой и глупой, а только очень нескладной и страшно одинокой. Она стала реже звонить Богомолову, да и ничего нового с тех пор почти не нарыла. К тому же в ее жизни появился Максим…

Он пришел узнать, не собирается ли она продавать квартиру. Нет, ответила Алка, сожалея, что больше им поговорить не о чем. Но он тоже искал предлог продолжить случайное знакомство. А застраховать? Тоже нет. (И тоже – к сожалению.) А, к примеру, сходить с ним в кино? Только не в кино, попросила она, и в тот же вечер он кормил ее отвратительными зелеными десертами в маленьком дорогом кафе на Невском. Рядом продавали вкусное дешевое мороженое, но Алка давилась и терпела, потому что на улице было холодно, а в кафе жарко, оттого что во время разговора руки Максима гуляли по ее коленям.

С ним было так легко, что день их знакомства растянулся на несколько месяцев счастливого, почти семейного совместного проживания. В эти месяцы Алке легко давалась любая роль, любое безумство оборачивалось детской игрой, и где-то уже не за горами брезжил семейный очаг с розовыми младенцами в нарядных пеленочках. Порой ее подмыва-

ло обо все рассказать Мадам, покаяться и просить прощения, клятвенно заверяя в любви и верности на всю оставшуюся жизнь. И надо же было, чтобы идиллия эта вдруг разлетелась вдребезги…

Воспоминания, а главное – такой их безрадостный конец, лишили Алку последних сил, и она уснула на диване, продолжая во сне ругаться с Максимом, обливаясь слезами, но ожидая его оправданий и мечтая, чтобы они оказались чистой правдой… Она спрашивала его, кто он, почему он и зачем так, а он почему-то звенел ей в ответ совсем как будильник, нет, пожалуй, как телефон…

Алка проснулась, но не сразу поняла, что телефон действительно звонит уже в сотый раз. Память возвращалась к ней после сна медленно, но как только она все вспомнила, то тут же вскочила и снова села, потому что сердце опять попыталось выпрыгнуть из груди. Озираясь на спальню, дрожащей рукой Алка подняла трубку:

– Мадам?

Она удивленно посмотрела на часы. Мадам никогда не просыпалась раньше десяти, но сейчас стрелки показывали без четверти девять.

– Помощь? Сегодня? Сейчас? Конечно. Куда? Куда?!

Алка, выбросив из головы все мысли о Максиме, уже натягивала одной рукой парик, а другой густо мазала лицо тональным кремом. Мадам просила, чтобы Алка отвезла ее в салон красоты на Каменноостровском проспекте…

5

Я не знаю, что со мной произошло, никогда такого не бывало, только в эту ночь я долго ворочалась без сна. Ужасное состояние! А утром я проснулась гораздо раньше обычного, потому что, вспомнив вчерашнее, глаз больше не смогла сомкнуть. Надо же, чтобы со мной происходили подобные вещи!

Повалявшись в постели, я поднялась безо всякого энтузиазма и отправилась в ванную, где меня ожидало пренеприятнейшее открытие: под глазами у меня залегли голубоватые тени, совсем как у какой-нибудь неврастенички. Я долго разглядывала свое отражение, пока настроение у меня окончательно не испортилось. Да так и состариться недолго! Я достала из шкафчика весь арсенал кремов и притирок, что накопился у меня за последний год, выставила нарядные тюбики, флаконы и коробочки в ряд, пытаясь разобраться, с чего начать. Мадам не выносит сладких парфюмерных запахов, созданных словно только для того, чтобы заставить какую-нибудь дурнушку подсесть на серийную косметику и почувствовать себя при этом если не красавицей, то, по крайней мере, «ухоженной» женщиной. Но когда речь идет о неприличных кругах под глазами, свидетельствующих об усталости, житейских невзгодах, отвратительном самочувствии и еще о многом и все не в твою пользу, Мадам

способна на подвиг. Я так долго собиралась откупорить какой-нибудь крем, что стала рассеянной, и в этой странной рассеянности представился мне салон красоты и бледная как смерть женщина, лежащая на кушетке…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.